

ИЗ НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

DOI 10.31168/2619-0869.2018.1.9.1

Е. А. Колосков

Косовский миф в сербском политическом дискурсе (1986–1991)*

Косово традиционно воспринимается многими исследователями в качестве отправной точки драматической истории распада Югославии. Именно использование национальной карты стали причиной запуска процессов обострения межэтнической напряженности, а Косовский миф и его использование официальным Белградом стало ключевым фактором роста национализма в Югославии. Исследованию Косовского мифа, его влиянию на рост сербского национализма и приходу к власти Слободана Милошевича посвящено достаточно много научных работ как в странах бывшей Югославии, так и за ее пределами¹, но, на наш взгляд, не достаточно подробно исследован официальный политический дискурс в СР Сербии в последние пять лет существования федерации. Именно на примере коммеморации Косовского мифа и рефлексии на него в период 1986–1991 гг. мы хотим показать взаимодействие политических элит Приштины и Белграда.

В историографии традиционное описание конфликта, протекающего в Косово в последнее десятилетие существо-

* Работа подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 16-18-10080 «"Мобилизованное Средневековье": обращение к средневековым образам в дискурсах национального и государственного строительства в России и странах Центрально-Восточной Европы и Балкан в Новое и Новейшее время».

вания второй югославской федерации, как правило, воспринимается через призму именно этнического противостояния албанской и сербских общин края или, в меньшей степени, через противостояние республиканской и краевой власти. Основное внимание исследователей обращено на процесс повышения градуса националистической риторики руководства СР Сербии и реакции краевых властей или же реакции славянских властей республики на всплеск албанского «национализма и ирредентизма» (позднее «ирредентизм» сменился «сепаратизмом»). В рамках изучения сербо-албанского конфликта подробнейшим образом разбирается политика Белграда относительно изменения культурно-исторического ландшафта Косово в пользу сербской интерпретации Косовского мифа². При этом уделяется, на наш взгляд, весьма незначительное внимание действиям собственно Приштины в рамках формирования политики в области истории на фоне происходящих в Сербии и, шире, в Югославии идеологических изменений.

То есть нам представляется крайне важным продемонстрировать, что, во-первых, позиция ЦК СК Союзного автономного края Косово (далее — САКК) не была тождественна позиции Белграда относительно идеологической политики, с одной стороны, и лозунгам сторонников независимости — с другой. Во-вторых, очевидно, что различные этнические группы представленные в ЦК СК САКК и администрации края, в первую очередь албанцы, сербы и турки, весьма по-разному относились к инициативам Белграда относительно новой интерпретации Косовского мифа, становившегося именно в этот исторический период основным нациеобразующим и мобилизующим мифом Союзной Республики Югославии, а позднее Сербии и Черногории.

Под Косовским мифом мы будем понимать концепцию критической важности памяти Косовской битвы 28 июня 1389 г. и самого региона для сербской нации; набор эсхатологических представлений о сознательном выборе святого князя Лазаря, сознательно пожертвовавшего своей жизнью, жизнями своих воинов и государством — «царством

земным» — ради обретения «царства небесного» («Небесной Сербии») и последующего национального и культурного возрождения. Таким образом, согласно мифу, проиграв решающее сражение, сербские воины не просто одержали моральную победу над своими более сильными и многочисленными противниками, но и заложили основы дальнейшего духовного и морального превосходства сербской нации.

Под политическим дискурсом мы понимаем набор общения, понимания и конструирования конкретной политической реальности со стороны представителей политической элиты. То есть мы выходим за рамки определения политического дискурса Т.А. ван Дейка, согласно которому это лишь дискурс политиков, реализуемый в виде правительственных документов, парламентских дебатов, партийных программ и речей политиков³. В своем исследовании мы опираемся на тезис Л. Филипс и М.В. Йоргенсен: «Люди не видят реальность такой, какая она есть, потому что идеология искажает их мировоззрение»⁴. Соответственно, для понимания конфликта необходимо зафиксировать основные векторы формирования идеологии и ее трансляции через официальные каналы.

Источниками нашего исследования стали публичные выступления и публикации ведущих политических деятелей, находящиеся в открытом доступе (как, например, Меморандум Сербской академии наук и искусств (далее — САНУ)) и опубликованные в трех наиболее популярных газетах в СР Сербии: «Борьбе» («Борба»), «Политике» («Политика») и «Вечерних новостях» («Вечерње новости»), трех основных газетах Автономного края (далее — АК) Косово: «Возрождение» («Rilindja»), «Единство» («Jedinstvo»), фактически «предвыборная» книга С. Милошевича «Годы развязки» («Године расплета»), увидевшая свет в 1989 г., и фонд ЦК СК АКК Архива Косово в Приштине. Особое значение для нас имели материалы, связанные с подготовкой и празднованием годовщины Косовской битвы 1389 г. В первую очередь, конечно, имеется в виду празднование в 1989 г.

Хронологические рамки нашего исследования обуславливаются, на наш взгляд, знаковыми событиями в жизни

югославской научной и политической элиты: публикацией в популярной газете «Вечерние новости» Меморандума САНУ 24–25 сентября 1986 г. и провозглашением независимости Словенией и Хорватией, фактически положивших начало распаду югославской федерации 25 июня 1991 г. Наибольшее внимание в нашем исследовании уделяется событиям лета 1989 г. — подготовке и празднования 600-летнего юбилея Косовской битвы 1389 г.

Мы можем сделать осторожный вывод, что в условиях нарастающих дезинтеграционных процессов и размежевания по национальному признаку определенные институты в Приштине старались сохранить официальное «братство и единство» в Косово в период 1985–1989 гг. После фактической отмены автономного статуса Косово в начале 1989 г. и массовых отставок лидеров края (только за 1988–1989 гг. сменились четыре председателя Верховного вече САК Косова, три председателя президиума САК Косово и три председателя президиума СКК, не считая исполняющих обязанности). Местные политические кадры в значительной степени оказались отброшены на вторые роли, а зачастую даже отлучены от политики, что позволило занять вакуум власти более молодым и более радикальным лидерам косоваров и сербской, и с албанской стороны.

Кроме того, достаточно сдержанная реакция, в том числе, и официальных органов на мероприятия, связанные с популяризацией Косовского мифа в Косово, с нашей точки зрения, говорит о нежелании региональных властей подвергать рискам как собственные позиции в стране, так и весьма неустойчивое распределение властей между этническими общинами.

Примечания

¹ См., например: *Колосков Е.А.* Косовский миф в современной сербской и албанской историографии: этапы и основные тенденции // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2016. № 2. С. 152–168.

² См., например: *Berger S.* On the role of Myths and History in the Construction of National Identity in Modern Europe // *European History Quarterly* 39.3 (2009). P. 490–502; *Bieber F.* Nationalist Mobilization and Stories of Serb Suffering: The

Kosovo Myth from the 600th anniversary of the present // *Rethinking History*. 2002. Vol. 6. No 1. P. 95–110; *Djokic D.* Whose Myth? Which Nation? The Serbian Kosovo Myth Revisited // *Uses and Abuses of the Middle Ages: 19th–21st Century*. Munich, 2009. URL: <http://research.gold.ac.uk/3455/1/Kosovomyth2.pdf> (дата обращения: 06.04.2018).

³ Ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989. С. 26.

⁴ Филлипс Л., Йоргенсен М.В. Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков, 2008. С. 292.

DOI 10.31168/2619-0869.2018.1.9.2

Я. Н. Смирнов

Российская дипломатия и Югославский кризис в 1992–1995 гг.

Югославский кризис стал крупнейшим конфликтом в Европе после Второй мировой войны. В то же время он стал и одним из ярчайших примеров совместных усилий мирового сообщества по разрешению конфликта. В этой связи особый интерес для исследователя всегда представляла та деятельность, которая велась участниками конфликта, а также международным сообществом по дипломатической линии. Однако если работа западных дипломатов получила довольно широкое освещение в виде опубликованных за последние два десятилетия многочисленных мемуаров, публицистических и научных статей и монографий, то отечественной дипломатии в этом плане было посвящено не так много трудов. В связи с этим наша основная цель — с использованием как можно более разносторонних источников попытаться сделать общий обзор дипломатической деятельности России в Югославии в период с 1992 по 1995 гг.

Серьезное внимание проблематике дипломатической активности России в ходе Югославского кризиса уделяет в своей работе К.В. Никифоров «Между Кремлем и Республикой Сербской»¹. Акцент в ней сделан на особой роли России в ходе двух последних лет противостояния, когда политическая и дипломатическая борьба за регион вошла в свою